

Мало кто из моих сверстников знает песню с этими проникающими в душу словами. Хотя, на первый взгляд, тому, кто не знаком с предысторией песни, она покажется чересчур сентиментальной. Сколько себя помню, она звучала у нас дома. Мои родители при всей их занятости (отец – сельский учитель, мама – бухгалтер, библиотекарь, лаборант, воспитатель и делопроизводитель в одном лице) находили время для общения с дочерьми. Папа нередко рассказывал про войну, а мама пела. Какой невероятно мелодичный и глубокий был у нее голос! Она пела «Черные ресницы...», «Темную ночь», «Синий платочек», «Студенточку». А папа негромко подпевал ей. В один из таких лирических вечеров я и узнала их историю, полную опасностей, тревог и ожиданий. Это был рассказ о судьбе моих родителей Михаила и Валентины Казаковых.

...Позади выпускные экзамены в Первомайской школе, что в далеком поселке золотодобытчиков в Тисульском районе Кемеровской области. Получен аттестат зрелости. Всего несколько вечеров провел Миша Казаков в кругу одноклассников: пели под гитару, читали стихи, мечтали встретиться в том же составе после войны. Но чаще всего обсуждали сводки с полей сражений, ведь второй год шла война, фашистские армии наступали. Как говорится, горячие и смелые сибирские мальчишки рвались в бой.

Валя и Миша учились в одном классе. Их связывала крепкая школьная дружба... И они втайне были влюблены друг в друга.

То, что это судьба, они поняли гораздо позднее. У них было много общего. Во-первых, им нравились одни и те же литературные герои, творчество Толстого и Есенина, Тургенева и Некрасова. Глубокое знание классической литературы им «досталось» от сосланного в «глубину сибирских руд» педагога из Ленинграда, который привил им любовь к русской литературе и преподнес уроки настоящего патриотизма.

Во-вторых, мои будущие родители родились в один и тот же день и год – 21 ноября 1924 года. В-третьих, они любили одни и те же песни... Пожалуй, песни и сближали их больше всего. Они обязательно должны были встретиться...

И вот – пыльный грузовик, потом переполненный новобранцами душный вагон от Тяжина до Юрги, который подцепили к другому паровозу, – до города Асино Томской области. Асиновское военное пехотное училище готовило командиров младшего и среднего звена, спо-

«Ты стояла молча
ночью на вокзале,
На глазах нависла
крупная слеза...
Видно, в путь далекий
друга провожали
Черные ресницы,
черные глаза...»

Черные ресницы, черные глаза

собных грамотно, с учетом требований современного боя, руководить воинскими подразделениями – от отделения до батальона. Папа в шутку называл младших лейтенантов, руководивших взводами, «ваньками взводными»... Именно эти командиры младшего звена (вчерашие мальчишки) были ближе всего к солдатам, которые в полной мере испытали на себе кровь, порох и дым войны.

Через полгода подготовки в училище заснеженный вагон увозил младшего лейтенанта Казакова на фронт. И вдруг – песня, она обожгла его своей обнаженностью чувств. Он понял, что Валентина, его Валентина, с черными ресницами и карими глазами, удаляется от него...

На перроне молодой курсант в окружении девушек пел, как «с тоской немою вслед ему смотрели черные ресницы, черные глаза...».

В январе 1943 года началась его взрослая жизнь: шли наступательные бои на Западном фронте под Бородино, по освобождению Можайска, Вязьмы, Могилева. Орловско-Курская дуга, Смоленск... Первое тяжелое ранение в декабре 1943 года, госпиталь... И, наконец, «годен к строевой».

«Изрытая снарядами, стояла степь, стоял под Сталинградом черный дым»... – раздавалась песня из окопов

в минуты затишья. А стрелковый батальон 49-й армии, где одним из взводов командовал мой отец, шел даль-

БОИ развернулись на дамбах – двух узких полосках суши, со всех сторон окруженных водной гладью Одера. На середине дамбы находился высокий мост со шлюзами. Мост представлял из себя серьезный узел сопротивления врага. Задача осложнялась тем, что действовать пришлось днем, в открытую. За день до боя Михаил Казаков обратил внимание на то, что к середине дня вода немного спадает, обнажая сантиметров двадцать песчаного берега у основания дамбы.

– Нужно пользоваться моментом! – решил Казаков. – Пройдем по этой узкой прибрежной полоске, не путаясь с проволокой и минами. Этим выиграем так необходимые нам секунды. Расчет молодого офицера оказался правильным. Немцы, засевшие у моста, были ошеломлены внезапным появлением наших бойцов. Дело решали секунды. В самый ответственный момент сам командир взвода со старшим сержантом Чаркиным и пулеметчиком Василием Терещенко ворвались на мост. Полоснув по немцам из автомата, Казаков метнул гранату в пулеметную ячейку. Другого пулеметчика уложил Василий Терещенко.

Из статьи «Герой Одера» во фронтовой газете

ше, освобождая Смоленск и другие русские города и селения. В начале 1944 года прошел всю Польшу, дошел до города Данцинга.

В конце 1944 – начале 1945-го весточки от моего отца приходили все реже и реже. Как поется в песне, «письма пишет редко, но зато в газетах очень часто пишут про его дела».

А в газетах, действительно, писали про героизм, смекалку и мужество командира взвода. В одной из фронтовых газет была помещена статья под заголовком «Герой Одера». Там описан момент форсирования реки Одер в районе крепости Шведт.

Благодаря успешно проведенной операции взвод лейтенанта Казакова закрепился на западном берегу Одера, а потом стал успешно развивать наступление.

Сам отец постоянно вспоминал этот эпизод. Он не мог забыть этот бой еще и потому, что во время операции погиб 17-летний солдат Падалко (его имени, к сожалению, я не помню) – погиб от разрывной пули в живот. «Напишите маме», – были последние слова смертельно раненного солдата.

«Взвод, которым я командовал, – вспоминал отец, – был сформирован из бывших узников концентрационных лагерей и мальчишек, впервые взявших в руки оружие. Падалко, угнанный фашистами еще подростком в Германию, испытал на себе все бесчеловечные условия фашистского лагеря. Он выглядел хрупким истощенным подростком. При форсировании Одера он впервые взялся за оружие.

6 мая 1945 года моему отцу посчастливилось принять участие в исторической встрече с американской армией на берегах Эльбы.

«Американцы просили показать сибиряков, дошедших до Эльбы, – рассказывал отец. – Из пехотинцев их оказалось всего несколько человек. На правой стороне гимнастерки были нашиты красные и желтые лычки, означавшие количество ранений». У пехотинцев не было третьего выхода из войны, кроме смерти или ранения.

Мой отец был четыре раза тяжело ранен, но выжил. Мама всегда говорила, что он не мог не вернуться туда, где его ждут. Но он не пришел ни в 45-м, ни в 46-м. Прошло еще два года, пока моя мама, наконец, увидела демобилизованного отца с офицерскими погонами и орденами и медалями на кителе. Как в песне, «а на груди его светились» ордена Красной Звезды, Боевого Красного знамени, медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другие. Позднее он был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Редкие письма с фронта походили на короткие сводки с полей сражений: «Жив, здоров, фрицы бегут... Наш блиндаж накрыло минометным огнем, допишу в следующий раз....».

Это был уже не озорной мальчишка из 10-го класса. В свои 23 года он выглядел взрослым мужчиной. Два года после Победы до мая 1947 года отец служил в Германии, выполняя важные задачи по стабилизации жизни в этой стране в рамках оккупационной зоны СССР. Вскоре после возвращения папа женился на моей матери, девушке с «черными ресницами, карими глазами»...

Мой отец на фронте и во время службы в Германии прекрасно овладел разговорным немецким языком, который ему очень пригодился в жизни, вернее, стал его профессией, делом всей жизни. Он преподавал иностранный язык в школе, заочно учился в институте иностранных языков имени Мориса Тореза в Москве.

... Мамы с папой уже нет с нами. Но когда мы встречаемся с сестрой, детьми и внуками, поем песни наших родителей.

Наталья ФОМИНА
(КАЗАКОВА)